

Т. Ф. Фильчук

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Методологические основы теории языковой аттракции

Фильчук Т. Ф. Методологічні засади теорії мовної аттракції. У статті розкривається лінгвофілософська природа мовної аттракції, яка полягає в асоціативних зв'язках, що виявляються на різних рівнях мовних відношень. Для дослідження явища мовної аттракції використовується філософська та філологічна інтерпретації, котрі визначають словесне оформлення наукової рефлексії як над загальнотеоретичними, так і над дискурсивно-текстовими проблемами сучасного гуманітарного знання; осмислюються теорії лінгвістичних засад образного усвідомлення й розуміння. Мовна аттракція визначає дискурсивну організацію сучасної гуманітарної парадигми в її наукових різновидах. Матеріали дослідження репрезентують, що процеси, які відбуваються в сучасному культурно-філологічному просторі, пов'язані з оформленням нових наукових ідей, світоглядних орієнтирів, теорій, що принципово відрізняються від традиційних наукових підходів.

Ключові слова: мовна аттракція, «поетичне» та «прозаїчне» мислення, асоціативна концептуальність, лінгвістика мовного існування, образні подавання, мовні образи.

Фильчук Т. Ф. Методологические основы теории языковой аттракции. В статье раскрывается лингвофилософская природа аттракции, которая заключается в ассоциативных связях, проявляющихся на разных уровнях языковых отношений. При рассмотрении явления языковой аттракции используется философская и филологическая интерпретации, которые определяют словесное оформление научной рефлексии как над общетеоретическими, так и над дискурсивно-текстовыми проблемами современного гуманитарного знания; осмысливается теория лингвистических основ образного сознания и понимания. Языковая аттракция определяет дискурсивную организацию современной гуманитарной парадигмы в ее научных разновидностях. Материалы исследования показывают, что процессы, происходящие в современном культурно-филологическом пространстве, связаны с возникновением новых научных идей, мировоззрений, теорий, принципиально отличающихся от доминирующих в традиционной науке.

Ключевые слова: языковая аттракция, «поэтическое» и «прозаическое» мышление, ассоциативная концептуальность, лингвистика языкового существования, образные представления, языковые образы.

Filchuk T. F. Methodological bases of the theory of a language attraction. The article reveals a linguistic-philosophical nature of attraction which consists an associative communications shown on a different levels of language relations. In consideration of the phenomenon of language attraction it is used a philosophical and philological interpretations which define a verbal registration of a scientific reflection both over general-theoretical problems and over the problems of discourse and text in modern humanitarian knowledge; the theory of linguistic bases of figurative consciousness and understanding is comprehended. Language attraction defines a discursive organization of a modern humanitarian paradigm in its scientific types. The materials of a researching show that the processes occurring in modern cultural-philological space, are depended on arising of a new scientific ideas, outlooks, theories that essentially differ from the dominating ones in traditional science.

Keywords: language attraction, "poetic" and "prosaic" thinking, associative conceptuality, linguistics of a language existence, figurative representations, language images.

Языковая аттракция является основополагающим принципом современной мыслительной системы, которая рассматривает текст как самостоятельный, самодостаточный, незавершенный феномен, которому свойственна смысловая и интерпретационная множественность, и составляет одну из центральных проблем современной лингвистической науки. Ценностная значимость феномена языковой аттракции, выявляющаяся в широком диалогическом культурном и научном контексте, определяет актуальность данного исследования. Новизна исследования заключается в раскрытии универсального

характера языковой аттракции и ее связей с современной научной парадигмой.

Цель статьи состоит в рассмотрении языковой аттракции как мыслительной и текстовой категории, участвующей в формировании различных типов мышления.

Объектом исследования является языковая аттракция в ее универсальной лингвофилософской природе.

А. А. Потебня выделяет два типа мышления – «прозаическое» и «поэтическое» [4; 5; 6]. По мнению исследователя, поэтическое мышление «есть prius, без которого прозаическое мышление, как posterius, не может

существовать» [6:234–235], происходит постоянная смена «поэтического» и «прозаического» мышления, причем эта смена «идет без конца и назад и вперед» [5:124].

Согласно концепции А. А. Потебни «обе формы мышления (поэтическое и научное) <...> находятся в таком взаимодействии, что первая способствует образованию второй, а вторая, раз образовавшись, усложняет и усовершенствует новые поэтические образы» [6:235].

Указанный процесс на одном этапе представляет собой превращение «поэтического» слова, т.е., по терминологии А. А. Потебни, «слова с представлением», в «прозаическое» слово, т.е. «слово без представления». Причиной такого перехода является расширение значения слова. Однако «самое расширение значения происходит при помощи поэтической формы» [5:124]. На следующем этапе вновь возникает «поэтическое» слово. Такому превращению способствуют ассоциации.

В современном постмодернистском мире проблема разграничения «прозаического» и «поэтического» мышления решается и осмысливается по-новому: снимается жесткое противопоставление «поэтического» мышления и «прозаического», и всякое мышление, в том числе и философское, литературоведческое, искусствоведческое, научное, рассматривается как «поэтическое» (работы Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж. Дерриды и т.д.). Французский постструктуралист Ж. Деррида снимает оппозицию между литературой «серьезной» (философией, историей, наукой и т.п.) и литературой «несерьезной» – художественной литературой, основанной на вымысле, игре, «фиктивности». Для исследователя «ложен принцип разделения между языком «серьезным» и «несерьезным», поскольку те традиционные истины, на раскрытие которых претендует литература «серьезного языка», – здесь он следует за Ф. Ницше, – являются для него «фикциями», функциональность которых просто была давно забыта, так как стерлась из памяти метафоричность их изначального словоупотребления» [3:235]. В постмодернистской парадигме возникает новое научное мышление, получившее название «метафорическая эссеистика», для которой характерен поэтический язык художественного произведения, по словам М. Хайдеггера, «восстанавливающий своими «намекающими» ассоциациями «подлинный» смысл слова», где «раскрытие смысла понятия идет <...> поэтически – ассоциативным путем» [3:237].

Язык науки, публицистики, не язык художественной литературы (поэзии и прозы), характеризуется метафоричностью и риторичностью, которые основываются на языковой аттракции. Аттракция как языковая универсалия используется и по существу проявляет себя в движении научной мысли.

Исследования Б. Гаспарова «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования» и Р. Барта «Гул языков» определяют языковые механизмы аттракции (связи) и характер мыслительных систем, обуславливающие процессы аттракции.

В работе «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования» Б. Гаспаров строит свою концепцию на основании тезиса о том, что язык – это некая подвижная субстанция, среда существования человека, с которой он постоянно взаимодействует. Первичным объектом изучения языка является бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанные с ними мыслительные усилия, представления, воспоминания, переживания, которые сопровождают человека в повседневной жизни и спонтанно возникают в его сознании. Неотъемлемой чертой языковой деятельности является способность людей откликаться на каждый фрагмент языкового материала, на ситуации, возникающие при объединении этих фрагментов в речи образными представлениями, возникающими в сознании.

Разными путями и способами образные представления человека реагируют на языковой материал. Возникающие у каждого человека при соприкосновении с языковыми знаками образные представления имеют индивидуальный характер, они неотделимы от личного жизненного опыта и всего строя личности конкретного человека. В своей книге Б. Гаспаров рассматривает не мир образных представлений вообще, а лишь языковые образы, которые представляют собой «перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» [2:255].

Значение любого языкового выражения представляет собой открытый, никогда не завершающийся процесс. Для того чтобы осмыслить какое-либо выражение, человек вызывает в памяти свои знания, связанные с этим выражением, проводит бесчисленные ассоциации, вызванные этим выражением и размывающие его границы. Делает он это каждый раз по-разному, так как меняются

ситуации, окружение, настроение, способность вспомнить или не вспомнить в момент работы языковой мысли. «Можно сказать, что говорящий субъект потенциально вкладывает в процесс осмысления весь свой опыт, все имеющиеся у него знания, ассоциативные способности, эмоциональные реакции; осмыслить некоторое сообщение, свое собственное или чужое, значит вложить в него (с той или иной степенью интенсивности) свой духовный мир» [2:261]. Основным же свойством любого образного отклика является одномоментность, целостность образной реакции. Образный отклик благодаря своей мгновенности, спонтанности служит толчком для начала работы интерпретирующей мысли, и эта работа приводит человека к тому или иному пониманию.

Б. Гаспаров выделяет такое явление, как эффект «палимпсестного наложения» [2:263] одних образных представлений на другие и называет его характерной чертой образного отклика. «Не только различные аспекты образного представления – картинный, иероглифический, кинетический, графический – могут соучаствовать в создании той или иной образной проекции, но и сами эти различные проекции способны выступать в представлении говорящего во взаимном наложении – как бы в виде нескольких фотографических снимков, снятых на один кадр. Если такой эффект возникает – он переживается говорящим субъектом как эффект «переноса» значения» [2:264].

Рассматривая языковой образ, исследователь заметил, что его формирует зрительное представление и ему присущи такие свойства, как воспроизводимость, множественность (каждому известному человеку языковому выражению соответствует в представлении целый ряд образных цепей; какая из образных проекций всплывет в сознании человека в том или другом случае зависит от контекста, темы, в которых она занимает место), пластичность, т.е. способность к всевозможным перевоплощениям, переменная сфокусированность. «Образ может возникнуть в представлении говорящего с различной степенью отчетливости – от очень яркого <...> до расплывчато-неопределенного <...>; от устойчивой картины, которую можно «рассмотреть» в воображении в различных ракурсах и деталях, до мимолетного, едва намеченного и тут же исчезающего образного следа» [2:270–271]. Языковым образным представлениям принадлежит роль посредника в соединении языкового материала

с мыслью, претворяющей этот материал в смысл сообщения. «Языковые образы служат тем проводником, посредством которого принятое высказывание попадает в сферу деятельности интерпретирующей мысли говорящего <...> данное выражение втягивается в работу мысли говорящего: оно соотносится с другими выражениями, близкими и далекими, образы которых всплывают из резервуаров памяти, ассоциативно притягиваясь к только что полученному образному впечатлению; со множеством сведений, воспоминаний <...> наконец, с тем, как говорящий ощущает жанровую природу коммуникации, ее явный и подразумеваемый контекст, характер и позицию ее участников» [2:276] – это означает, что данное выражение «узнано» субъектом. Любая составляющая языкового образа, которая привлекла внимание субъекта, вызывает из его языковой памяти некоторое соответствующее ему выражение и этим приводит в движение языковые ассоциативные механизмы, в силу которых это выражение сопоставляется с другими, расширяется, обрастает новыми деталями, превращается в целое высказывание, даже целое повествование.

В концепции автора мир образных представлений каждого субъекта индивидуален, отражает индивидуальный жизненный опыт, уникальные перцептивные способности каждой конкретной личности, но непосредственность представления делает его подвижным, наделяет его способностью протейстически трансформироваться, приспосабливаться к другим образам, сливаться с ними. «Эта способность образного представления сохранять узнаваемость во всех своих трансмутациях имеет первостепенное значение не только для внутренней языковой деятельности одной личности, но и для контакта и обмена между различными говорящими» [2:284]. Эта взаимная передаваемость образных представлений языкового материала основывается на том, что они «говорят на одном языке», т.е. запасы языкового материала, которые хранятся у них в памяти, предшествующий опыт обращения с этим материалом заключает в себе огромное количество сходных компонентов и ситуаций. «Взаимная узнаваемость и конвертируемость образных представлений различных говорящих существенно отличает последние от того, что можно назвать «мыслью» в более широком смысле слова, – то есть от всего конгломерата сведений, воспоминаний, ассоциаций, в которых для данной личности вопло-

щается понимание данного языкового материала. Различия в объеме, очертаниях, окрашенности и потенциальных валентностях того интеллектуального поля, с которым для разных личностей связывается то или иное языковое выражение, несравненно более радикальны, в сущности несоизмеримы – по сравнению с различиями в характере образных откликов» [2:285].

Разрабатывая теорию языкового существования, Б. Гаспаров приходит к выводу, что говорящий порождает высказывания, апеллируя к готовым, устоявшимся в его памяти речевым блокам, сочетаниям слов, целым предложениям, цитатам и ассоциациям, его речь зависит от характера его отношений с собеседником, от настроения, погоды и т.д.

Таким образом, воспринятый текст попадает в духовный мир читателя, где начинает жить своей собственной жизнью, по законам личностного мира субъекта. При этом текст активизирует сознание личности, которое приводит в движение множество ассоциативных, а вместе с ними интеллектуальных и эмоциональных полей, которые и формируют языковую аттракцию, являются ее смысловым стержнем. Статья Р. Барта «Гул языков» отображает постнаучное мышление – «поэтическое». И текст статьи, и ее название представляют ассоциативность, связность слова языка и научной мысли, возникающей как эвристический феномен, а не порожденной аналитическим процессом препарирования или модификации научных парадигм, т.е. той ситуацией, когда мысль (или ее симулякр) рождается в пространстве метаязыка; здесь предчувствие, мерцание на уровне языковых соответствий. Поэтому и возникает метафорическое выражение «гул языка», т.е. что-то непонятное, неопределенное, точно не оформленное, интуитивное, воспринимаемое на ассоциативном уровне; гул – «это шум исправной работы ... гул знаменует собой почти полное отсутствие шума, шум идеально совершенной и оттого вовсе бесшумной машины; такой шум позволяет слышать само исчезновение шума; неощутимость, не-

различимость, легкое подрагивание воспринимаются как знаки обеззвученности» [1:542].

Заголовок статьи («Гул языков») рождается на уровне авторского подсознания и является метафорой, определяющей неясность ассоциации. Текст статьи представляет собой ассоциативную концептуальность, которая в своей природе сопряжена с принципом языковой аттракции – принципом сцепления одного с другим, принципом ассоциации смыслов. «Гул языка», по Р. Барту, является «утопией музыки смысла»; «это значит, что в своем утопическом состоянии язык раскрепощается <...> изменяет своей природе вплоть до превращения в беспредельную звуковую ткань, где теряет реальность его семантический механизм; здесь во всем великолепии разворачивается означающее» [1:543]. Метафора «гул языка» заключает в себе сущность языковой аттракции, которую Р. Барт определяет для себя как смыслопорождающий и текстопорождающий принцип эссеистического письма.

Благодаря языковой аттракции, которая является основополагающей категорией постмодернистского текста, «язык обращается в гул и всецело вверяется означающему, не выходя в то же время за пределы осмысленности: смысл маячит в отдалении нераздельным, непроницаемым и неизреченным миражом, образуя задний план, «фон» звукового пейзажа <...> гул языка – это смысл, позволяющий слышать избыток смысла, или, что то же самое, это не-смысл, позволяющий услышать где-то вдали звучание смысла, раз и навсегда освобожденного от всех видов насилия» [1:543]. Текст Р. Барта представляет собой ассоциативное пространство, пронизанное ассоциативными связями и наполненное ассоциативными значениями, – это языковая аттракция в конкретном языковом воплощении.

Таким образом, языковая аттракция определяет дискурсивную организацию современной гуманитарной парадигмы в ее научных разновидностях.

Литература

1. Барт Р. Гул языка / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : Пер. с фр. — М. : Прогресс, 1989. — С. 541—544.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М. : «Новое литературное обозрение», 1996. — 352 с.
3. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. — М. : ИНИОН РАН (отдел литературоведения). — INTRADA, 2001. — 384 с.
4. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности / А. А. Потебня. — Харьков : Тип. К. Счасни, 1894. — 162 с.

5. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня [изд. 3., доп. статьями «Язык и народность» и «О национализме»]. — Харьков : Тип. «Мирный труд», 1913. — С. 1—186.

6. Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления / А. А. Потебня // Потебня А. А. Слово и миф.— М., 1989. — С. 201—235.